

Дразнишь судьбу - себе дорожке

**БОРИС
ВАСИЛЬЕВ**

18+

Борис Васильев

Дразнить судьбу – себе дороже

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Васильев Б. А.

Дразнить судьбу – себе дороже / Б. А. Васильев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Она всяко пыталась: Википедия не помогла. У Гугла ответ был отрицательный. Истерзалась домыслами, себя извела донельзя. Тогда ей, стоявшей на грани отчаяния, судьба сделала фантастический судьбоносный подарок. Но чтобы получить его – надо поверить в невероятное, нырнуть в пропасть, кишашую необъяснимыми криминальными событиями. И при этом лицом к лицу столкнуться с ужасом, которого никому не пожелаешь. Может быть, выход из тупика – в ней самой? Но так ли это на самом деле? Не пройдешь ее путь до конца – не узнаешь.

Содержание

1	10
2	14
3	18
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Борис Васильев

Дразнить судьбу – себе дороже

*Любые совпадения с реальными
лицами, фактами и событиями –
чистая случайность или каприз автора.*

Не весна – не лето: уже не холодно, но еще не жарко. В Пушкиногорье в эту пору каждый год так: не сегодня-завтра вернутся соловьи, облюбуют густые кустарниковые поросли, начнут вить гнезда. Еще несколько дней и пернатые кавалеры зальются многоколенными трелями. Разборчивые дамы расположатся неподалеку и будут внимательно слушать: годится – не годится певун для продолжения рода? Дядя Сеня из соседнего дома за штакетником, будучи в хроническом легком подпитии, в такие вечера у себя на крыльце, бывало, мурлыкал тихо-тихо, однако, во всеуслышание: «Кавалеры приглашают дам. Там, где брошка – там пирод. Две шага налево, две шага направо, шаг назад и поворот». При этом птицы его не боялись, продолжали предаваться своим заботам. В эти мгновения певцы любви, аккомпанируя дяде Сени, забывали все на свете и теряли всякую осторожность. Подходи вплотную и хоть бери их голыми руками. Брату и некоторым из поселка иногда даже удавалось их потрогать. Шаги у ребят, что ли, были какие-то беззвучные. Юрку, птицы подпускали метра на три, не ближе, и, словно их и не было, беззвучно упархивали куда-то в сумерки...

Поезд тихонько лязгнул сцепками вагонов и встал. Очнувшись от ностальгической одури, полковник вернулся в реальность. Пассажиры-попутчики уже стояли в тамбуре. Подняв с пола черную увесистую сумку, он закрыл за собою дверь опустевшего купе и не торопясь направился к выходу. «Пооди ж ты, – усмехнулся он про себя, – уже сорок с гаком, а детство все дает о себе знать. Чуть выпал из хоровода привычных забот, и оно тут как тут. И брательник поблизости. Да и куда ж без него?»

На перроне многие были одеты почти по-летнему. Только кое-кто еще не расстался с пуховиком или плащом на подкладке: одни давно не были дома, другие, видать, еще не приновились к быстрой смене сезонов. Полковник в своей светло-коричневой, ладно сидящей на его крепко сбитой фигуре добротной куртке, придававшей ему не столько солидности, сколько стройности, тут же влился в пестрый поток пассажиров, направлявшихся к зданию вокзала. И все-таки он чем-то выделялся в общей массе. Неприметный шупловатый паренек вырос будто из-под платформы. Сухо, по-простецки поздоровался, словно только вчера распрощался с гостем, которого видел впервые в жизни, без колебаний молча забрал у него сумку и, легко помахивая ею, направился к автостоянке, не посчитав нужным оглянуться на москвича. Полковника не удивило это свойство хватких оперативников легко определять своих даже в многолюдной толпе. «Прическа у оперов, что ли, какая-то фирменная, антикриминальная? Или носы особенные? – Ерничал он сам над собою. – Может, глаза не на том месте? Ишь ты, шагу не дал ступить, как вычислил! Враз «срисовал». А, ведь, никого из знакомых в отделе уже не осталось. Да если бы кто и прикипел к месту? Что с того?»

Ему даже не пришло в голову усомниться в корпоративной принадлежности бойкого коллеги, уже затерявшегося в толпе приезжих. Впрочем, чему тут удивляться, если, перехватывая сумку в левую руку, парню приходилось отводить ее подальше в сторону, чтобы оперативная кобура не так сильно давила на ребра. Сумка, видно, оказалась не такой уж легкой, как почудилось торопливому помощнику в первый момент.

– Приехали. Извините, что не к парадному подъезду. С вас за проезд одна сигарета. Свои дома забыл, – парень оказался не просто расторопным, но еще и нахальным. До этого он всю дорогу молчал, сосредоточенно лавируя между луж на совсем не гладком асфальте, словно

опасаясь забрызгать тщательно вымытую машину. Даже, когда полковник поинтересовался, как его зовут, ответил с некоторым даже недовольством: «Сергей я, Чемесов». Теперь, сидя в пол-оборота, он беззастенчиво, даже с явным вызовом рассматривал пассажира на заднем сидении.

– Не курю, – в тон ему ответил Юрий Иванович, вылезая из неприметного, чем-то напоминающего такси «Рено», который московские острословы прозвали «Жигулями» 21-го века. – Ну, бывай, Василич!

– И на том спасибо! – Водитель дождался, когда за гостем захлопнется дверца, и неторопливо тронулся с места. Через пару метров он резко затормозил: «Отчества своего он пассажиру не называл. Тогда откуда?»

Шагая через дорогу к знакомому до мелкого озноба зданию райотдела, полковник невольно усмехнулся: «Надо же, Сережку-то и не узнать. Совсем взрослый. А Василий и впрямь молодец. Хоть и далеко отсюда, а все устроил. Организация на самом высоком уровне. Все, как по маслу, даже о сумке не надо заботиться. Конспиратор хренов».

Дежурный бросил быстрый взгляд на висящие на стене перед ним часы, сам себе кивнул, молча пожал протянутую ему руку, повесил в шкаф куртку гостя и повел его по бетонной лестнице вниз, в полуподвальное помещение, где располагались комната для свиданий и камеры ИВС. Полковник Невский помнил, что всего их шесть – по три с каждой стороны мрачного, выкрашенного темно-серой краской, по уставу бог знает каких времен, узкого коридора, едва освещенного двумя лампочками в массивных стеклянных колпаках под низко нависшим потолком. В первых двух по бокам за зарешеченными окошками размером в две ладони царил сплошной чернота. В третьей справа угадывалось присутствие сидельца: окошко едва светило. Проходя мимо, полковник машинально заглянул в камеру. В углу в полумраке сидел человек с обнаженным торсом и правой рукой сосредоточенно расковыривал локтевой сгиб левой. На полу под ним уже образовалась внушительная лужица густой темной крови, которая продолжала стекать из разорванной вены. Полковник резко окликнул успевшего уйти вперед дежурного и, что было сил, заколотил в дверь, чтобы отвлечь обитателя камеры от суицидальных устремлений. Через минуту коридор уже наполнился топотом множества ног и членораздельными выражениями бурных эмоций.

Комната свиданий с зарешеченной дверью практически ничем, кроме отсутствия шконки, не отличалась от камеры за стеной, где сотрудники отдела, кто как мог, орудовали бинтами и резиновым жгутом, останавливая кровь, сочащуюся из руки самоубийцы-неудачника, невозмутимо, словно сторонний наблюдатель, взиравшего на царившую возле него суматоху.

– Это тебя с такой помпой встречают? – вместо приветствия, не поднимаясь с табурета, спросил человек в белесых джинсах, бросив мимолетный взгляд на вошедшего Невского. Он сидел на табурете, привинченном к полу. Руки его были закинута за голову, в глазах читалась недобрая усмешка. – Заходи, гостем будешь, – развязно продолжал сиделец, не поднимая глаз на посетителя и не проявляя намерения подняться. – Что за шум, а драки нет?

– Сосед твой «вскрылся».

– То-то, я слышу, менты забегали, что твои тараканы. Во взгляде сидельца, теперь обращенном на визитера, проскользнула некоторая заинтересованность происходящим. Эвона, орут, дверями хлопают. Я уж подумал, не меня ли пришли выручать?

– А ты ждешь кого?

– Вот тебя-то и жду. Маляву-то, вижу, получил. Давай, вытаскивай меня отседова.

– Не надоело кривляться? «Отседова», «маляву»... Не перед следователем, чай. Что теперь натворил?

– Считаю, ничего. Морду в кабаке одному крутому по пьяни с корешами набили.

– Ну да, он сам нарвался, а тебя волки поганые задержали. Так, что ли?

– Тебе-то что? Раз приехал, вытаскивай, – сиделец резко взмахнул ногами и, будто взлетев, в мгновение ока оказался стоящим перед полковником. В его напряженной позе угадывалась нешуточная угроза – Подписался же. Сам, причем. Ты кто? Полковник или хрен собачий? Небось, давно о генеральских погонах радеешь?

– С тобой особо не размечтаешься. Как бы совсем не разжаловали. С чего ж ты так оско-
тинился?

– Ладно, чего лаяться? Здорово, что ли? – Демонстрируя стремление к примирению, сиделец расслаблено улыбнулся, протянул руку для дружеского пожатия и притянул, и без того близко стоящего к нему полковника, к себе, откидываясь всем корпусом назад и намереваясь ударить его головой в лицо. Но тут же, не успев понять как, попал на прием и оказался на полу, взыв от боли.

– Что ж ты, гад, делаешь?! Имею право. По понятиям.

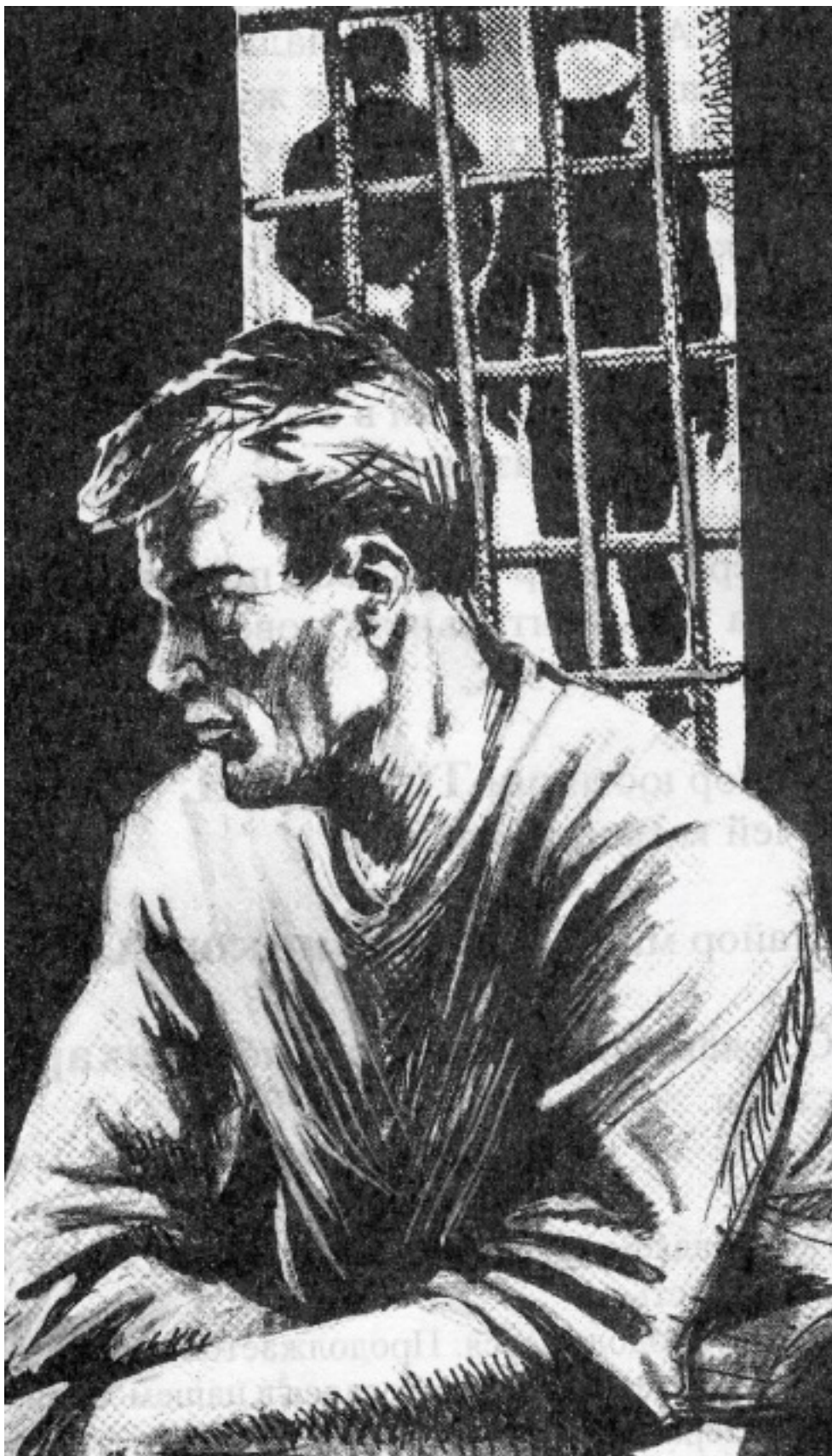
– А я – по справедливости. В другой раз руки переломаю. Ты меня знаешь.

– А ты – меня.

В этот момент в камеру ворвались несколько полицейских и помощник дежурного по отделу, ни на шаг, как было приказано, не отходившие от приоткрытой, на всякий случай, двери и ставшие свидетелями странного разговора и еще более странной схватки столичного гостя с обитателем камеры.

– Вы уж его особо-то не наказывайте, – бросил полковник в сторону извивающегося на полу и подвывающего время от времени от боли задержанного. Хотя никто его трогать и не намеревался. – Это он так нашей встрече радуется.

– Я тебя, полкан поганый, все равно урою. Не так, так эдак, – процедил сквозь зубы сиделец, когда его уводили в камеру.

Поднимаясь тяжелыми шагами и с еще более тяжелыми сердцами следом за помощником дежурного в кабинет начальника отдела, Невский досадовал сам на себя, за то, что, в который раз поддавшись эмоциям, опять согласился на встречу. А зачем? Для чего живет этот человек?

Для кого? Что ему Гекуба? Что он Гекубе? Что и кто здесь может что-то сделать? На роду ли матери было написано, на скрижалях каких? Ничего уже не изменить, никаких шагов к примирению. Даже время уже ничего не повернет ни в какую сторону.

– Все в порядке? – поднимаясь из-за стола и направляясь навстречу входящему в кабинет полковнику спросил начальник отдела, совсем еще не старый, но уже успевший поседеть майор Яременко.

– В лучшем виде. Спасибо, Виктор Петрович! Машины не надо, доберусь до гостиницы пешком. Тут недалеко.

– Бывали у нас?

– Да-а-а, – как-то неопределенно протянул полковник.

– Вот и хорошо. У меня к вам просьба, – продолжал чем-то весьма озабоченный майор без всякого перехода. – С тем задержанным, ну, с тем, что вены себе порвал, все в порядке, не много крови потерял. Перевязали, вызвали врача, дали успокоительного... В общем все тип-топ. Если можно, не сообщайте об этом инциденте там, – он показал глазами на потолок.

– Да мне тоже, знаете ли, светиться ни к чему своим к вам визитом, – усмехнулся полковник. – Давайте так. Я ничего о ЧП не знаю. И крупно сомневаюсь, что вообще здесь был. А вы, уж, за моим гавриком присмотрите. Он теперь, видно, на мелочи не разменивается. От него всего ждать можно. Да, уж, одно к одному. С чего тот парень-то «вскрылся»?

– Пожизненное дали. Его бы надо было в СИЗО до суда. Да вот взялись перестраивать. Арестованных – кого куда. Сказали на недельку, он уже почти три здесь.

– Вены зубами, наверное, перекусил?

– Нет, щепкой разорвал. Отгрыз от шконки. Рама же деревянная. Не знаете, когда нам видеокамеры дадут? – спросил он без всякого перехода.

Что мог ответить командированный полковник на этот простой, а в данной ситуации насущный вопрос? Да ничего. «А видеокамеры здесь действительно не помешали бы, – размышлял он, направляясь к гостинице. – Как, впрочем, и многое другое, без чего полиции чем дальше, тем труднее обходиться. Сколько же можно крутить хвосты техническому прогрессу»?!

1

Наконец-то, сцепились! Без словесных баталий, с недавнего времени возникающих на планерках, летучках, и прочих междусобойчиках, как их ни назови, Краснобаев жизни своей уже не мыслил. Когда среди сотрудников возникали такие «заварушки», он непременно вспоминал своего комбата, еще по училищу военных строителей. Находясь в игривом настроении, тот в шутку, бывало, говаривал: «Если собрались, так почему бы не выпить? А если не пить, то зачем собирались»? Прав был старый вояка на все сто. Какой смысл во всех этих собраниях-совещаниях, если они превращаются в пустопорожние разговоры? Другое дело, когда есть о чем поспорить, что-то кому-то, а главное, себе доказать. Не просто это в редакции прививалось, зато теперь любо-дорого послушать. Ну, прямо прения сторон на судебном заседании – кто кого и чей будет верх. Того и гляди сейчас по мордам пройдутся.

Чем яростнее полыхали схватки, тем приятнее становилось на душе у почетного главного редактора. Он видел, как в спровоцированных им же самим спорах молодежь оттачивает остроту мышления, обретает самостоятельность в суждениях, каждый привыкает осознавать себя личностью. А привычка великая сила. Когда-то, очень давно Лука Альвианович случайно услышал, как один пожилой, потасканный по задворкам жизни, бомж втолковывал другому, молодому и еще не обросшему коростой: «Человек такая скотина... Ко всему привыкает». Грубо, даже, можно сказать, отвратительно это прозвучало, зато доходчиво: не забудешь. Хлесткая фраза стала одним из его жизненных принципов. Что толку мучиться и переживать, ночей не спать, терзаться несуразными мыслями о том, что было бы, если бы..., когда изменить уже ничего нельзя. «Смирись и продолжай жить, – говорил он сам себе, когда изредка выходил из запоя, похоронив жену, с которой прожил сорок семь лет. – Не можешь изменить обстоятельства, перемени отношение к ним. Как бы банально это ни звучало. Все еще впереди, разденься и жди», – напевал он сам себе по дороге на очередной сеанс химиотерапии, как будто чернобыльского облучения было недостаточно. Привык он и к постоянным вопросам по поводу своего отчества, хотя с годами все труднее стало увильнуть от его упоминания. Поэтому обычно представлялся просто и демократично – по-европейски: Лука Краснобаев. Хотя, какой, уж, Лука в его-то возрасте!? Да и звучало-то это для непривычного уха, как «лукавый краснобай»! Да, не повезло ему с отчеством. Бабка была уж очень верующая и приходского священника до умопомрачения любила, хотя и замужняя уже была. А уж как сына родила, так наперекор и мужу и всей родне назвала его поповским именем Альвиан. Так и записали. Не подумала бабка, что внуку за то расплачиваться придется всю жизнь. Что тут поделаешь? Стеснялся он расспросов по поводу своего отчества. Хотя и понимал, что ничего в нем нет зазорного. Даже лестно. По святцам выходило, что Альвианы – люди мягкие и покладистые, а если где спор, Альвиан в стороне. Отец таким и был, и сам он от этого далеко не ушел: незлобивый и сговорчивый. Правда, если только речь шла о чем-то, что было не в разрез с интересами дела. А работа в журнале, на общественных, можно сказать, началах, в должности почетного главного редактора оставалась последним стоящим делом в его жизни, изобиловавшей яркими событиями. Он сам себя так обозначил, и сотрудники охотно его поддерживали, не стремясь занять хлопотную штатную единицу, остававшуюся вакантной после выхода Краснобаева на пенсию.

Говор в комнате стих, когда собравшиеся заметили, что Главный, как его все еще по привычке называли, давно уже прикрыл глаза. Видимо, так ему надоели пустопорожние разговоры участников планерки, что он тактично решил их просто переждать. Все двенадцать человек – кто, в ожидании, кто, те, что помоложе, с легкой улыбкой на губах, а кто и привычно-равнодушно молча смотрели на Краснобаева.

– Всем спасибо. Все свободны, – очнувшись от досадливой дремы, сказал Главный нарочито громко, будто отбросил тяжелые думы и пришел к какому-то нелегкому решению. А когда

все встали, шумно двигая стульями и направились к выходу, Краснобаев, как бы между прочим, произнес:

– А вас, Нуца Олеговна, я попрошу остаться.

Сотрудники непонимающе переглянулись, хихикая и пожимая плечами. Выходивший последним Коля Мозгов, известный в редакции своим безудержным любопытством, за что неоднократно получал нагоняи от коллег, не удержался от того, чтобы не задержаться в дверях. Но, встретившись с суровым осуждающим взглядом Главного, тихо прикрыл за собой дверь.

Лена досадливо поморщилась и вернулась на свое место.

– Ну, зачем вы так, Лука Альвианович? Можно было бы и Еленикой назвать. Я же к вам на работе не обращаюсь «дядя Лука». – В детстве она его так и называла, с ударением на первом слоге. – К чему всем-то знать?

– Извини, извини. Уж больно мне твое истинное имя нравится. Вкусное такое... Нуца. Это – твое эго. Хочешь ты того или нет.

При всем желании Лена не могла согласиться с Краснобаевым. Свое эго она воспринимала, как то, что было у всех на виду, находилось в контакте с окружающими. Истинное же имя, по мнению Нуцы, отражало скорее alter ego, ее бесконтрольный ум, второе Я, которое жило где-то глубоко внутри и состояло из страхов и устремлений, которое обжигало изнутри, порой терзало и толкало на неожиданные поступки. Кто-то называл это совестью. И Лена, не очень-то доверявшая пафосным определениям, с этим не могла не согласиться. А как иначе? На собственном, хотя и не слишком богатом жизненном опыте, она успела убедиться, что совесть мучает не тех, кого должна бы мучить, а тех, у кого она есть.

– Ну, если тебе так уж хочется, пусть будет, Еленика. – примирительно сказал Краснобаев, подождав пока крестница сменит гнев на милость, что легко читалось на ее лице. Точнее, в ее глазах. – Если тебе одной отцовской выдумки недостаточно. А Лена это что-то уж очень банальное. У нас всяких Лен, что лени. Гороху упасть негде.

– Неудачная метонимия. И даже не литота.

– Ну вот, я еще не успел тебе гадостей наговорить, а ты уже огрызаешься.

– Не чаем же вы меня поить собираетесь.

– Могу и кофе угостить.

– Значит, совсем плохо дело. На выставку авангардистов хотите послать? Я классику предпочитаю.

– С меня твоего показа моделей достаточно, – с ехидцей в голосе заметил Краснобаев.

– А вот на это я и обидеться могу, – тихо, словно про себя, заметила Лена, закусывая губу и мрачнее лицом.

...Это произошло в прошлом году. Журнал «Мир и лица» переживал не лучшие времена. Взяв на себя в конце девяностых функцию просвещения читателей практически во всех областях знаний, редакция переусердствовала. С каждым годом становилось все более очевидно, что для реализации «громоздя планов» теперь уже не хватает ни материальных ресурсов, ни творческого запала, ни просто человеческих возможностей. Многие ветераны, которые вместе с Краснобаевым начинали журнал, повзрослели и разошлись кто куда. В том числе и безвозвратно. Но сбавлять обороты обновленный коллектив не собирался, отчаянно сопротивляясь обстоятельствам и изыскивая возможности для увеличения или хотя бы стабилизации тиража, все более и более напоминающего шагреновую кожу. На очередной летучке кто-то предложил завести на страницах издания постоянную рубрику, под которой освещать... новинки моды. В этой сфере, мол, тоже немало загадок и открытий, столь любезных многим читателям. А всяких публичных лиц на показах мод тем более в избытке. Откладывая реализацию этой идеи до лучших времен, главный редактор рассчитывал, что трудности с тиражом, в том числе и с его реализацией, рассосутся как-нибудь сами по себе, без новомодной рубрики. Не рассосалось. А тут, кстати, как-то утром ему принесли приглашение на показ моделей женской одежды

весенне-летнего сезона. В редакции никого кроме Мирской не оказалось, разыскивать кого-либо было уже поздно и ей пришлось взяться за освещение вопросов далеких от науки, тем более от медицины, которой она по семейной традиции отдавала предпочтение.

Изыски молодого, совсем недавно ставшего модным, кутюрье областного масштаба ее особо не впечатлили. Но Лена со свойственной ей ответственностью старательно записала все, что рассказывала ведущая показа, состряпала добротный текст и... заморочилась с заголовком. Ничего, кроме банального «Вам, женщины!» или вычурного «Мода проснулась от зимы», ей в голову не приходило. Промучившись до вечера, она не нашла ничего лучшего, как поставить помпезный заголовок «Весенних платьев вихрь» и отправила заметку на верстку, которая и так отставала от графика, да еще и задерживалась из-за ее «творческих поисков».

Подводя итоги обзора очередного номера, главный редактор не преминул «пройтись» по заголовкам.

– У нас, – проникновенно оглядывая сотрудников поверх очков, сказал Лука Альвианович, – бывают разные заголовки статей и заметок. Я допускаю, что могут быть хорошие, яркие, насыщенные, даже вкусные. Бывают корявые и горькие. А бывают еще вот такие, вроде «Весенних платьев вихрь». – При этом главный редактор искал глазами автора среди сотрудников и сделал вид, что Мирскую не увидел. На этом совещание и закончилось. Никаких комментариев или санкций не последовало, и она так и не узнала, что имел в виду дядя Лука, так выпукло выделяя ее заголовок. Ни особо «вкусным», тем более «горьким» она его не считала. Не поняла и сейчас, когда он ей напомнил о ее «модном» эксперименте. Но на всякий случай обиделась. А Главный вроде бы и не заметил:

– Нет, к авангардистам тебя посылать рискованно. А как насчет классиков в погонах?

– К танкистам что ли? У них за танковой броней лица не увидать.

– Про День танкиста у нас будет в сентябрьском номере. Тогда и обозначим. А вот праздник сотрудников следственных органов уже в июле.

Оторвавшись от бумаг, которые до этого перебирал на столе, Краснобаев вопросительно и даже как-то немного застенчиво посмотрел на сидящую перед ним Лену. За годы совместной работы она ни разу не отказалась ни от какого задания, даже на модный показ пошла безропотно, почти, как на неминуемую казнь. Но с полицией случай был особый. Мирская имела все основания не просто недолюбливать ее, а начисто игнорировать существование структуры, которая не смогла ее защитить и оставила один на один с обстоятельствами, противоречащими какому-либо здравому смыслу и не поддающимися логическому объяснению. И ее реакция на это вопиющее задание главного редактора была предсказуема:

– Еще того гаже. И почему я?

– Не буду лукавить. Виталий Васильевич просил, чтобы именно ты подготовила материал о следователях. Тем более, что у них там, в одном отделе, как в джазе, помнишь, был такой фильм, только девушки. А он сам бывший следователь. Да и что за проблема? Тебе всего-то нужно сделать зарисовку о коллективе на две полосы с тремя фотографиями. Какая разница? Коллектив он и есть коллектив. Кстати, следователи вовсе не полиция, строго говоря. К тому же считается элитой. Сама определишься, кого и как снимать. В отделе иллюстраций в курсе. Или сама снимешь. Ну что, по рукам? И пожалуйста... Ну, Семен Семеныч... Только никакой самодеятельности! Ну, ты меня понимаешь.

Задание было ей, мягко говоря, не по душе. С чего бы это Виталию Васильевичу общаться таким причудливым манером? Они буквально на днях столкнулись у поликлиники, когда она по дороге домой заглядывала к матери на работу, и он ничего не сказал. Может, только вчера придумал?

На генерала Снегирева это было не похоже. Такие, как он, свои дела на месяцы по часам планируют. Это Лена хорошо знала по своему отцу. Одного поля ягоды. «Может они и его в

свой сговор втянули? – рассуждала она, спускаясь к машине, – тогда совсем уж не отвертись. Придется маму подключать в союзники».

2

За восемь лет, с того дня, как она перебралась в собственную однушку, в квартире родителей мало что изменилось. В столовой у балконной двери в углу все также грустно стоял одинокий кактус, протянув к потолку вызывающие о пощаде свои многочисленные колючие руки. На противоположной стене, будто вросшие в нее, висели старые, еще в деревянном футляре со стеклом часы с длинным маятником, оканчивающимся диском на конце. На циферблате причудливо расположились многочисленные палочки, по которым Лена в первые школьные годы самостоятельно осваивала римские цифры. Даже так надоевшая ей в свое время, а теперь вызывавшая ностальгическую грусть «Хельга», длиной почти во всю столовую, стояла на своем месте. Возвращаясь сюда, Лена всякий раз окуналась в свое детство, которое с каждым годом все больше контрастировало с реальностью и от того становилось еще более выпуклым. Не все, конечно. Отдельные, самые яркие эпизоды как бы выступали из общего полотна воспоминаний и начинали жить своею жизнью, обрастая частью придуманными позже, а частично почерпнутыми из детской памяти деталями. С годами она научилась прятаться в этом свое «прошлом» от горечей, обид и несуразиц реальности. Особенно глубокой ночью, когда не помогали заснуть ни любимые Есенинские строки, ни погружение в глубины Интернета. Зачастую она выныривала из ночной реальности под жаркое ташкентское солнце на детской площадке их двухэтажного дома. Вот после первых в жизни занятий в школе, не расставаясь с портфелем, чтобы все видели, откуда пришла, она качается на качелях под дружный счет ожидающих своей очереди соседских ребятишек. На узенькой дощечке, привязанной к железной перекладине бельевыми веревками можно посидеть до счета «тридцать». Как только это слово будет произнесено, положено спуститься на землю и идти в конец длинной очереди. Таков неумолимый закон двора. Счет ведет мальчик, стоящий первым. Вот он кричит:

– Двадцать семь, – и у Лены, взлетающей вверх, все внутри сжимается от ужаса. – Двадцать восемь, – и на глаза наворачиваются слезы. – Двадцать девять, – и сердце падает в пропасть. И вот она слышит: – Двадцать десять! – Но это же не «тридцать», верно? А дальше идет: – Двадцать одиннадцать, двадцать двенадцать. – И Лена заливается ликующим смехом. Неотвратимое «тридцать» еще так далеко... Но тут, как всегда некстати, вмешивается «сильно умный», хоть и дошкольник, брат-погодок:

– Тридцать, – кричит Эдик. – Уже было тридцать! Все, Ленка, все!

И мир погружается во мрак.

Сколько лет прошло, а все это так и живет в ней, как будто не прошли десятилетия. И горькая обида на докучливого родственника, настоящая на соленых слезах, ощущается так же остро, как и четверть века назад.

Зато и брату от нее доставалось. Как бы и когда бы он ни хитрил, какие бы удивительные истории ни придумывал для родителей и детсадовской воспитательницы, Лена всегда точно знала, что он натворил, глубину какой лужи измерял, на какую крышу взбирался, и могла при желании вывести Эдю на чистую воду. Но она не каждый раз этим пользовалась, как и он не всегда вредничал, и благодаря этому их взаимоотношения находились в относительном балансе. Правда, до поры до времени. Когда оба подросли и детские секреты уступили место юношеским, а затем и взрослым тайнам, Елене пришлось запереть рот на замок. Она по-прежнему независимо от своего желания оказывалась в курс всех дел и забот своего брата, стоило им только встретиться, но при этом, чтобы сохранить баланс родственных привязанностей продолжала интересоваться его новостями, которые были ей досконально известны. Только ради этого, Лена не вывернула наизнанку все прошлое и настоящее Эдуарда, когда он начал нести всякую ахинею по поводу своих взаимоотношений с человеком, знакомство с которым чуть было не закончилось трагедией для Лены и перевернуло всю ее жизнь. В своем заявлении в

полицию она даже не упомянула о брате, сыгравшем далеко не последнюю роль в событиях, застрявших в глубоких закоулках ее памяти, но не известно как всплывавших на поверхность, стоило ей встретиться с Эдуардом. Тем более в доме родителей.

Хотя, при чем тут брат? Он в той ситуации, если честно, вообще был так, с боку – припека. Сама виновата. И нечего кого-то винить в собственной глупости. Повелась на избыток эстрогенов? И с чего бы? Не девочка, вроде. Гормоны взбесились, поддалась инстинкту? Тоже, вроде бы не с чего: все, как и раньше, до встречи с ним у нее было регулярно, по давно отработанному и строго соблюдаемому графику. Не феромонами же своими он ее околдовал. Что, она, бабочка что ли? Впрочем, эта неразрешимая загадка не ее одну поставила в тупик. Агате Кристи тоже всегда было непонятно, почему худшие из мужчин вызывают интерес у лучших женщин.

– Ты слышишь, что Эдик рассказывает? – вывел Лену из глубокой, но, как она сама осознавала, зряшной задумчивости, голос матери. – Ему предлагают возглавить отделение хирургической стоматологии. Это же замечательно!

Дора Михайловна водрузила фамильную супницу на середину стола и готовилась разливать первое по тарелкам. Эти пятничные обеды, когда раз в неделю за большим, сервированным по всем классическим канонам столом, собиралась вся семья, стали традиционными после того, как отделился и начал жить самостоятельно «родительская радость, гордость и надежда, продолжатель династии врачей» сын Эдуард. Защитив кандидатскую диссертацию и укрепив тем самым свой авторитет в стоматологическом сообществе, он обрел право на полную и безусловную свободу. Чем не преминул тут же воспользоваться, сняв квартиру неподалеку от родительского дома. Старшая сестра не смогла стерпеть такого поворота событий и с помощью родителей купила себе однушку в ближайшем пригороде. И теперь большую часть заработка отдавала родителям, рассматривая это ярмо, как своего рода погашение ипотеки. Не подозревая, однако, что деньги мать переводит на ее именной счет в банке.

– Не предлагают, а могут предложить, – быстро ответила Лена на обращенные к ней слова матери, еще не полностью вернувшись в реальность и не успев облечь истину в более подобающую случаю форму. – И что ты решил? – тут же повернулась она к брату. – От таких предложений не отказываются. Или есть на примете варианты поинтересней?

– Куда уж интересней!? – покачал головой, с улыбкой наблюдавший за этой мимолетной мизансценой Олег Александрович. – В двадцать девять лет и начальник отделения! Ого! Я в твои годы еще мосты строил.

– Ты в эти годы в горах подземный город строил. Мосты – это раньше, за Уралом, – походя заметила Дора Михайловна, ставя перед мужем тарелку с неизменной по пятницам замой с картошкой для нажористости, как он любил.

– Пока не знаю, – рассудительно протянул Эдуард. – Я, ведь, практикующий хирург, а как совмещать руководство людьми с практикой? Тут или так, или эдак.

– Он свою богатую клиентуру боится потерять, – как бы, между прочим, заметила сестра. – Да куда твои страдальцы от тебя не денутся. Организуешь частную клинику и практикуй на здоровье... в свободное от руководства время.

– Все-то ты знаешь, всех насквозь видишь, обо всем у тебя есть свое собственное мнение, – огрызнулся Эдуард. – Молчала бы, без советчиков как-нибудь обойдусь.

– Без меня не обойдешься. Я – твоя совесть и вторая, причем, правильная голова. Сам говорил.

– Это когда было-то. Еще в школе.

– А что с тех пор изменилось? Все равно тебе одной головы маловато будет.

– Ладно вам. Еще поругаетесь, – как всегда вступилась за своего «младшенького» Дора Михайловна. – Ешьте лучше. Да помалкивайте. Беда у нас – дядя Богдан умер.

– Когда? – встрепелась Лена.

– Ночью. Сегодня утром звонили, – ответил вместо жены Олег Александрович. – Сказали, инфаркт. Точнее выясню, когда вернусь.

– Завтра летишь?

– Сегодня в ночь. До больницы не доезжали, скончался в машине «скорой помощи». Вот так-то вот. Теперь я один из братьев остался, – добавил он со вздохом. – Да, хиреет р-р-род Башотовых.

– А племянники твои, Михай со Штефаном? – Спросила жена.

– Тоже, вспомнила... Один в Германии, другой – в Белоруссии. А в Молдавии уже никого не осталось – разлетелись, разъехались.

– В Молдове, в Беларуси, – поправил отца Эдуард.

– Я таких названий не знаю. Я буджакский, в Бессарабии р-р-родился и вырос. С тем и помру. Это вы с сестрой коренные р-р-россияне, вам виднее.

– Ты рассказал бы детям как-нибудь, как провинциальный босьяк, ты сам себя, помнишь, однажды так назвал, из строителя вырос до врача и генерала, – обратился сын к отцу. – А то все поминаешь, к слову, то про то, то про это. А толком-то никогда не рассказывал.

– Долгая песня и что-то не поется.

– А если прозой? – попросила Лена.

– Хм. Прозой... Да и прозой непросто. Ну, что? Учился в школе, как р-р-родители скончались, пошел в ПТУ.

– Политехнический университет? – спросил Эдуард.

– Ну, конечно, – рассмеялась Дора Михайловна. – Университет! Бывшие ремесленные училища, где учили разным ремеслам. Вот его-то отец ваш и окончил. Потом поработал немного на заводе слесарем. Случайно увидел в газете объявление о наборе в военно-техническое училище. И поступил. Так все было? – обратилась она к мужу.

– Вот и продолжай. Тебе виднее.

– Конечно, ты же уже ничего не помнишь. Все наши даты забываешь, дни рождения пропускаешь, июнь с июлем путаешь...

– Ну, уж! Ты, Митродора, палку-то не перегибай, – тихо, но с явной обидой в голосе произнес Олег Александрович, вспоминая по такому случаю полное имя супруги.

– Мам, а как папа в медицину попал? – чтобы предупредить намечающуюся размолвку между родителями, спросила Лена.

– Да, да, – поддакнул брат, – каким ураганом тебя в царство Гиппократов занесло?

– А вот про это – в следующую пятницу, – просветлел отец лицом. Будто освободился от тяжелого груза. – А сейчас доедаем заму, и я готов выслушать ваши доклады.

– Чур, я первая! – подняла руку Дора Михайловна. – У нас в третьем отделении произошло знаменательное событие. Нас посетил сам генерал-лейтенант Снегирев! С инспекцией! Ходил по кабинетам, интересовался отзывами пациентов. Он и на других этажах побывал.

– Ну, и что? Начальнику управления положено интересоваться обстановкой в ведомственной поликлинике. Претензии, жалобы, р-р-разгоны? Никого не уволил?

– Как всегда, все недовольны. Особенно ветераны. Но благодарят и кланяются. Кого же увольнять, когда и так вакансий полно. Не хотят врачи в бесплатную медицину.

– Парадокс и казус – развел руками Эдуард. – На живого человека не угодишь.

– Неудовлетворенность – двигатель прогресса. И чем закончился генеральский визит? – Спросил отец, не реагируя на замечание сына. – Без болячки генералы в поликлинику не ходят.

– Не знаю. Я до высоких административных сфер не допущена. Да и не мое это. Мое дело больных лечить – у специалистов консультировать, рецепты выписывать да процедуры назначать. Но говорят, что нас будут переводить в другое помещение. Вроде, как и губернатор согласился строить для нас новое здание на Верхнеуральской.

– Это же совсем недалеко. И когда переезд?

– Вроде, через год.

– Красиво жить не запретишь. Но навредить можно! Охотники всегда найдутся, – с сожалением закончил Олег Александрович. – А что у тебя? – Посмотрел он на дочь.

Делиться своими неприятностями Лене не хотелось. Ей всегда казалось, что груз ответственности, забот, тем более неприятностей, распределенный между близкими, не только не облегчает участь носителя, но еще и усугубляет ее из-за ухудшения их самочувствия по твоей вине. Да и потом, что за проблема посвятить пару дней общению с сотрудниками полиции? Но не удержалась. Излила накопившуюся досаду и на генерала Снегирева, в детстве называвшего ее Еленикой-маленикой, и на Альвианыча. А, главным образом, на самую себя, за то, что, считаясь сильной натурой, способной противостоять превратностям судьбы, не может переломить застрявший в душе леденящий стержень, который мешает жить и радоваться жизни.

– Да, я в курсе, – Виталий Васильевич мне звонил...

– Тебе? Зачем? Как твой Альвианыч сказал бы: обложили демоны! И крест животворящий не поможет.

– Да не ерпенься ты. Кто кроме отца с матерью тебя поймут и поддержат? А повезет, так и направят. Сколько времени-то прошло!? Нельзя же всю жизнь жить с камнем за пазухой. И не злись. Тебе это, сама знаешь не к лицу.

Об этом отец мог бы и напоминать. Лена всегда, как могла, старалась контролировать свои эмоции. Но иногда они ускользали от ее недреманного ока, и тогда у нее повыше подбородка проступал заметно искажающий ее лицо уродливый шрам – следствие несвоевременно и потому неудачно проведенной операции.

«А, ведь, это неправильно и несправедливо, – размышляла она, помогая матери убирать со стола и перенося посуду на кухню. – Родителей, понятно, интересует, что нового у детей, чем они живут. А ей-то, ей интересно, что происходит в жизни ее самых близких и родных людей, что у них на работе, какие радости, какие горести? Эдька, не в счет, его жизнь перед ней, как на ладони. Да и мало в ней чего интересного – работа, деньги да девицы. Нет, – признавалась Лена сама себе, – у родителей все, вроде бы, складывается само собой, с помощью какой-то потусторонней силы. Вот сегодня брат спросил, как отец из строителя превратился в хирурга, а ее это даже никогда не интересовало: папа всегда был папой, мама – мамой».

Сначала они жили в Ташкенте, где окончили школу. Оба хотели в медицинский, как родители. На брата, мужчина же, продолжатель рода, ресурсы нашлись. Ей – не досталось. Уговорили поступать там же на журфк. И кто уговорил!? Папины закадычные друзья – певец эпохи Альвианыч, непререкаемый авторитет по жизни Константин Алексеевич, да еще «надежда и опора» Снегирев. На третьем курсе перевелась на родину. И тут друзья – не разлей вода снова оказались все вместе. Вскоре отца назначили главным хирургом военного округа, Снегирев из заместителя начальника УВД стал начальником управления, и Краснобаев так и остался главным редактором им же самим созданного журнала.

А что было до этого? Об этом никто из них никогда не говорил во время общих встреч и застолий. Было только известно, что когда-то они окончили одно военное училище. А что было у родителей до их с братом рождения? Как они нашли друг друга? И почему у отца и у них у всех фамилия не молдавская? Не Райко, не Чобану, не Мунтяну, в конце концов, а Мирские... Вот уж действительно, сапожник без сапог... «Журналистка, называется, – упрекала Лена сама себя, – в чужие жизни влезаешь, а судьбами своих близких по-настоящему поинтересоваться руки не доходят».

Недовольная собой, она решила сегодня же составить план беседы с отцом в следующую пятницу. Особое место – роль оппонента в трехсторонней беседе – она решила отвести своему бесхитроственному братцу.

3

Ворота, конечно, оказались закрыты и на требовательные сигналы водителя никто их открывать, по-видимому, не собирался. Кутившие неподалеку трое сотрудников полиции с одинаково ироничными улыбками и, вместе с тем, с большим интересом посматривали на высокую девушку в стильной белоснежной куртке и небольшой кокетливой шляпке, из-под которой на ее плечи волнами ложились темные до черноты волосы. Выходя из машины, она досадливо хлопнула дверцей своего далеко не нового Опеля и решительным шагом направилась ко входу в областное управление внутренних дел. Едва она ступила на бетонное крыльцо и протянула руку к двери, как створка распахнулась и, чуть не сбив посетительницу с ног, на крыльце возник крупный краснощекий молодой человек в форме майора юстиции.

– Здорово, Мирская! Я за тобой. Заводись, ворота сейчас откроют. Я не знал, что ты на машине, – выпалил он на одном дыхании, виновато улыбаясь и подавая ей руку.

В заполошенном смущенном полицейском Лена без труда узнала Германа Борщова. Точнее Германа Константиновича, ставшего недавно начальником отдела по взаимодействию с прессой УВД. Они познакомились давным-давно, еще в детстве. Но взрослыми впервые встретились несколько лет назад на семинаре, который проводился научным медицинским сообществом для местных журналистов. Потом несколько раз виделись на заседании областной Думы, в Союзе журналистов. Но тесного знакомства так и не свели. Слишком уж разными были сферы интересов и круги общения. И вот пересеклись-таки.

– Отсюда не угонят, – ободрил ее Борщов по дороге к отделу после того, как Лена припарковалась во дворе и тщательно проверила, заперта ли машина. – Я буду работать с тобой, – радостно, как показалось ей, продолжал майор. – Ты не возражаешь?

– Возражаю, – почти резко ответила Лена. – Я девочка взрослая, привыкла работать самостоятельно и в опеке не нуждаюсь.

– Я так и думал. Меня предупреждали.

– Что взрослая?

– Нет, что заносчивая.

– Ты, Борщов, не обижайся, – примирительно сказала Лена, почувствовав, что ее категоричный ответ прозвучал грубовато. – Ну, в самом деле, что тут сложного? В ваши служебные дела и проблемы я соваться не собираюсь. А люди... Они и в полиции люди – глупые и умные, добрые и злые...

– Подлые и благородные, – подхватил Герман, – надежные и безнадёжные. Так?

– Ну, да. А еще балаболы вроде нас с тобой, – Лена весело рассмеялась.

Они были уже в здании, поднимались на второй этаж, когда Герман тронул Лену за рукав.

– Ты не беспокойся, я тебе постараюсь не мешать, но без сопровождения не оставляю. Но и ты меня не игнорируй. Я, ведь, с тобой не по собственному желанию.

– Понимаю. Токмо волею пославшего тебя генерала?

– Естественно. Все-то ты сечешь на раз. Кстати, начальницу, к которой мы идем, зовут Эльвира Степановна, а ее заместительницу Светлана Кирилловна.

– Знаю, Лепнина подполковник юстиции, начальник отдела, заслуженный работник, ветеран, гордость следственного управления и всего УВД. Любимица личного состава и так далее и тому подобное. Я же не первый день в журналистике, подготовилась. А замша?

– Полужайко, майор. Да ты их и так и не спутаешь: черная и рыжая, «Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...». А теперь уж стали неразлучны.

Своего кабинета у Лепниной не оказалось. В здании шел ремонт, и до его окончания она расположилась в общей комнате вместе со своими подчиненными. Лена почему-то предполагала увидеть солидную даму старше средних лет, с неизменной папиросой в зубах и с короткой

стрижкой. К тому же с ярко окрашенными губами и в очках, скрывающих пронизательный взгляд карих глаз. По ее представлениям руководительница женского околвоенного коллектива непременно должна иметь облик суровый и мужественный, целеустремленный и бескомпромиссный. И не ошиблась только в наличии папиросы и короткой стрижки.

Они встретились и невольно улыбнулись друг другу, моментально уловив заметное им одним внешнее и, видимо, не только внешнее сходство: пронизательная Лепнина разглядела в Лене себя тридцатилетнюю, а чуткая Лена – свой возможный будущий образ. И этого оказалось достаточно, чтобы между ними наметилась взаимная симпатия.

Эльвира Степановна сочла необходимым познакомить корреспондентку со всеми своими сотрудницами. По случаю представления все они, заранее предупрежденные, были одеты по форме и находились на своих рабочих местах. Ирина Воробьева, сидя за компьютером, внимательно, словно выискивая «битые» пиксели, всматривалась в экран монитора, Виктория Вольская, только что вернувшаяся из следственного изолятора, где проводила допрос

задержанного, и разбирала свои записи. Ольга Семенова, дежурившая в этот день в составе оперативной группы, проверяла работу диктофона. В отличие от девушек заместитель начальника отдела Светлана Кирилловна Полужайко, действительно оказавшаяся обладательницей огненно-рыжих волос, рассыпанных по плечам, даже не пыталась делать вид, что безмерно увлечена служебными обязанностями. Она внимательно рассматривала Мирскую и Лепнину, сравнивая их и, видимо, улавливала сходство.

Остальные девушки были на задании. Борщов молча стоял у окна и с интересом наблюдал за тем, как Лепнина слева направо, начиная от входной двери подводила Лену поочередно к каждой из присутствующих. Та вставала, представлялась и получала от своей руководительницы краткую характеристику. Герману, в недавнем прошлом следователю, это напоминало процедуру осмотра места происшествия, при которой он невольно выполнял роль понятого. Ему даже подумалось, что, покончив с официальной частью, Эльвира Степановна вернется на свое место и непременно приступит к составлению протокола.

Если посмотреть со стороны, как на объект фотосессии, девушки являли собою воплощение противодействия уголовной преступности. В глазах журналистки они выглядели дисциплинированными и работающими, идеальными борцами за торжество закона, возложившими себя на алтарь следственной практики. Одетые с иголки в черные кители, которые эффектно подчеркивали плавные изгибы фигур и сидели на них, как влитые, они ни в чем не уступили бы мировым топ моделям, если бы тем пришлось демонстрировать российское полицейское обмундирование. «Служебной формы писк», – пронеслась у Лены в голове, заставившая ее невольно улыбнуться, озорная мысль. О прическах и говорить нечего – что ни голова, то вершина парикмахерского искусства. Однако, этот фрагмент показательного выступления не был чем-то незаурядным и несколько не удивил Борщова. С такими прическами они были всегда, сколько он их помнил. Культ приходиться на работу, будто только что из парикмахерской, возник после того, как в присутствии коллектива у Лепниной произошел мимолетный разговор с заглянувшим в отдел генералом Снегиревым. Во время доклада Лепнина, как всегда ухоженная и причесанная, произнесла:

– По штату в отделе шесть аттестованных сотрудников...

– А сотрудниц-красавиц? – как бы между, прочим бесцеремонно спросил генерал, окинув недовольным взглядом недостаточно аккуратно причесанных девушек, считавших, что на работе внешний вид не имеет значения. С того дня у них повелось вставать на работу еще раньше.

Протокол составлять Эльвира Степановна не стала. Покончив с формальностями и, по всей видимости, сделав для себя некоторые выводы по ходу короткого общения с Мирской, она, не мудрствуя лукаво, просто предложила попить чаю. Едва Лена кивнула в знак согласия, обстановка в отделе резко переменилась. Девчата моментально сбросили с себя панцирь официальности, тут же изобразили чайный стол из своих рабочих тумбочек, откуда-то, как по волшебству на нем появились чашки, сахарница, упаковка пакетированного чая и домашнее печенье. Из соседней комнаты принесли кипящий электрический чайник. И... растворились. Полужайко также попросили разрешения выйти. В кабинете остались Мирская с Борщовым и Лепниной.

Судя по ожидающим взглядам присутствующих, Лене предстояло представиться, по возможности неформально, и поделиться первыми впечатлениями. И она не преминула воспользоваться ситуацией.

– Вы хотите песен? Их есть у меня. В первом куплете сообщаю, что ничего в полицейской службе не смыслю и полицию не люблю. У меня был некоторый опыт общения с вашей системой, и результат оказался, мягко говоря, плачевный. В том числе и в прямом смысле этого слова. Во втором куплете следует заметить, что у меня есть в творческом багаже маломальский опыт журналистской работы, некоторые профессиональные навыки. Если я за что-то берусь, то

обычно, если не попадаю под каток форсмажорных обстоятельств, довожу до конца. И, наконец, третий куплет о том, что все написанное я перед публикацией покажу вам, Эльвира Степановна, и, разумеется, Борщову. Чтобы не было самой стыдно за свою писанину, и чтобы вас не выставляли на посмешище. При любом раскладе вы профессионалы, вам и карты в руки. По сравнению с вами я всего лишь борзописец. Но я постараюсь. Такой расклад, я думаю, всех устроит.

Чем дольше говорила Лена, тем моложе становилось лицо Лепниной, тем уверенней чувствовал себя и Герман Борщов. Они оба знали подоплеку задания, которое получила Мирская, были наслышаны и о непрстом характере журналистки, способной на резкие суждения и неординарные выводы. К тому же Лепнина была хорошо осведомлена о некоторых непубличных фрагментах биографии Мирской. Так же, как и Борщов, она знала о ее близком знакомстве с начальником УВД, о дружбе генерала с отцом Лены. Не понаслышке знала она и о происхождении едва заметного шрама на ее подбородке.

– Спасибо, Елена Олеговна. Думаю, мы поняли друг друга и, надеюсь, выражу наше общее с Германом Константиновичем мнение, если скажу, что исковеркать можно, что угодно и всякую мысль можно исказить до неузнаваемости. Раньше было как-то построже, было принято консультироваться со специалистами, а сейчас, и в газетах, и по радио, и на телевидении такое городят... Ладно в фильмах. У них это называется художественное допущение. Что не детектив, то нарушение законности чуть ли не в каждом кадре. А потом мои девочки меня спрашивают: «А что, Эльвира Степановна, теперь можно выезжать на место происшествия одному оперу без опергруппы?». Или место происшествия априори называют местом преступления, хотя его еще никто не видел. Сколько раз сама слышала: «догнали и арестовали», «следователь уголовного розыска».

– А что в этом плохого? – спросила Лена.

– Все. Если догнали подозреваемого, то только задержали. Арестовать, то есть заключить человека под стражу, можно исключительно по решению суда. А «следователь уголовного розыска» это – сочетание несовместимых понятий. Это же эклектика. Это все равно, что сказать про кого-то, что он по профессии «инженер медицины».

– О, Эльвира Степановна, в этом, есть что-то такое, поэтическое, – заметил Борщов.

– В поэзии может быть и уместно. А у нас уголовные дела возбуждаются, а не заводятся. Не мыши же. Человечество погубит непрофессионализм. В том числе и в таких мелочах. Такое даже новичкам непростительно.

Возбужденно рассуждая о наболевшем, Лепнина, тем не менее, не упустила момент, когда Мирская мимолетным движением словно из рукава извлекла из кармана и включила диктофон. Не привыкшая к таким журналистским приемам, она замолчала. Лена жестом показала, что все в порядке, но разговор дальше уже не клеился.

В этот момент раздался легкий стук в дверь и на пороге кабинета возник очень молодой человек гражданской наружности.

– Разрешите, Эльвира Степановна?

– А, Петр Васильевич, вы очень кстати. Про вас-то мы только что говорили. Познакомьтесь, Елена Олеговна. Это – единственный в своем роде и неповторимый член, – она сделала короткую паузу, – нашего коллектива – следователь-стажер лейтенант юстиции, выпускник юридического факультета нашего университета Самойлов. Ты как здесь оказался? – без перехода обратилась она к нему. – Ты где должен быть?

– На складе.

– Правильно, а почему здесь?

– А я с жалобой, – с вызовом, гордо задрав подбородок, заявил Петр Васильевич. – Мне выдали неполный комплект обмундирования. Говорят, нет подходящей по размеру фуражки,

одни «аэродромы». А без форменной фуражки на улицу не выйдешь. Мне очень хочется завтра показаться маме при полном параде. Она так ждет меня. Я полгода дома не был.

От умиления при взгляде на паренька, до глубины души расстроенного из-за фуражки и совершенно растерянного из-за своей беспомощности, у Лены увлажнились глаза. В другой ситуации и Лепнина, может быть, пустила бы скупую полицейскую слезу. Но тут решила, что это непедагогично. По-матерински полюбив Петра Васильевича за плечи, она негромко и проникновенно произнесла, склонившись над ним: «Не тужи, дорогой, и не ахай, жизнь держи, как коня, за узду».

– Березовой п-п-поэзией увлекаетесь? – слегка, заикаясь, растерянно поинтересовалась Мирская, упершись взглядом в непроницаемое лицо Лепниной и сдерживая рвущийся наружу смех.

– Уважаю и обожаю. Вы, я вижу по лицу, тоже.

– Не без этого. Только я за лирику.

– А я, подруга, за правду жизни.

Не прошло и минуты после того, как юный следователь, обескураженный таким теплым обращением, вышел из кабинета, как в кабинет вошла майор Полужайко, а следом – девушка в распахнутой легкой куртке и сбившемся на бок берете, едва умещавшемся на затылке. Такие с начала весны начали входить в городской обиход, и многие девчонки уже успели ими обзавестись. Запыхавшаяся владелица этого писка моды рухнула на первый подвернувшийся стул. Борцов, оказавшись поблизости, быстро налил в стоявшую здесь же чашку теплой воды из чайника и подал девушке:

– На-ка, Нина, успокойся.

– Это что еще за явление? – Насупилась Лепнина. – Познакомьтесь, Елена Олеговна. Еще один птенец гнезда родного – капитан юстиции, самый опытный наш следователь Завьялова. Ты чего это, как от погони?

– Арбузов сбежал, Эльвира Степановна.

– Как сбежал?

– На рывок. Он такой маленький, такой испуганный был... Пока везли на место все плакал. А когда вышли из машины, я разрешила не надевать наручники. А он как рванет... Наши, конечно, погнались. Только он на сквер, через ограду, дворами... В общем не догнали. Надо объявлять в розыск.

– Вот ты и объявляй. Светлана, – обратилась она к Полужайко, – собирай девчонок, и оставайтесь на месте. А с тобой, Завьялова, потом будем разбираться, – переобуваясь, на ходу отдавала распоряжения Лепнина. – Все, я ушла.

– Можно мне с вами? Я бы хотела... – подала голос Мирская.

– Нет, – резко оборвала ее Лепнина и добавила чуть мягче: – Мы ругаться будем. Возможно, матом.

– Я тоже умею, – не сдавалась Мирская.

– Не сомневаюсь. В другой раз проверим, – рассмеялась Лепнина, выходя из кабинета.

– Если я правильно понимаю, кто-то здорово прокололся, – будто рассуждая сама с собою, произнесла Лена, глядя на Полужайко. – Может, расскажете из-за чего весь сыр-бор?

– Не имею право. Вот, если только Нина разрешит. Она может, больше никто. Нин, – обратился она к Забелиной. – Это – Елена Мирская, корреспондент журнала «Мир и лица». По заданию генерала будет писать про наш отдел.

До этого безучастная к происходящему, провинившаяся по всем статьям девушка, впервые заинтересованно взглянула на гостью.

– Не по заданию, а по просьбе, – поправила Лена Светлану. – И не корреспондент, а редактор отдела. А в остальном все верно. Эльвира Степановна начала вводить меня в курс ваших дел. Да вот, отвлеклась...

– Да какие тут секреты? Обычное разбойное нападение, а может, попытка убийства. Раненый – криминальный авторитет, а по совместительству предприниматель, хозяин мебельной фабрики Симонян. Подозреваемого Арбузова наши ребята задержали по горячим следам. Около раненого валялось лезвие ножа. Экспертиза показала, что на нем следы пальцев рук Арбузова, кровь по группе – потерпевшего...

– Он, что ж, его одним лезвием зарезал? – удивился Борщов.

– Вот в том-то и закавыка. Если голыми руками лезвие держал, должен был сам порезаться. Если ножом, то, где рукоятка? Похоже, что нож обломился. Все кругом облазили – не нашли. Наверное, кто-то подобрал. Арбузов сначала не признавался, а после общения с адвокатом с чего-то разошелся. Говорит, хотел ограбить. Здесь вообще нестыковка на нестыковке. Поэтому и решили провести следственный эксперимент. А подозреваемый сорвался. Вот и все секреты. Что теперь со мной будет, Светлана Кирилловна? – Сквозь слезы спросила Нина, зарываясь лицом в рассыпанные по плечам золотые кудри майора Полужайко.

– Присядь-ка. Я не знаю, а вот правитель Израиля Соломон знал. Хочешь, расскажу? Этот царь прославился своей мудростью, справедливостью, но часто терял самообладание и потом долго не мог успокоиться. Один мудрец принес ему кольцо и сказал: «Когда придет беда, посмотри на него. Если слишком развеселишься, оно тебя отрезвит».

Нина перестала плакать. Она смиренно, как школьница, положив руки на колени, сидела напротив Полужайко и внимательно ее слушала. Борщов и Мирская тоже обратились в слух.

– Однажды по какому-то незначительному поводу Соломон сильно расстроился, – продолжала Светлана Кириллова. – Он вспомнил слова мудреца, внимательно взглянул на кольцо и прочитал надпись «Всё пройдет». Удивился царь, задумался и ... успокоился. Вскоре забыл об этом и жизнь продолжалась. Стоило ему возрадоваться – взгляд его падал на кольцо. Он опять видел эти слова, и понимал, что радость не будет длиться вечно. Так кольцо часто выручало царя в трудные моменты его жизни. Ведь действительно, все проходит. Нина, ты меня поняла?

– Поняла, конечно. Только, ведь, бывают такие ситуации, когда никакое кольцо не поможет. Вот, как сегодня, – в голосе девушки опять послышались всхлипы.

– А для такого случая есть у легенды свое продолжение. Как-то раз Соломону стало так плохо, что он даже решил избавиться от кольца. Вот, как тебе сегодня. Сорвал он кольцо с пальца, хотел выбросить, и вдруг увидел надпись на внутренней стороне – «И это тоже пройдет».

4

По просьбе Мирской, которая исполняла в тот день обязанности главного редактора, получившего направление на очередное медицинское обследование, сотрудники собрались еще до начала рабочего дня. После утренней летучки Лена собиралась заскочить в медицинский институт на кафедру эндокринологии, чтобы застать на месте профессора Оболенского. Заведующий кафедрой еще два месяца назад обещал подготовить выжимки из своего реферата, которые Лена надеялась переложить в удобоваримую статью для журнала о новейших открытиях в области влияния желез внутренней секреции на продолжительность жизни. Но все затягивал, срывая сроки и давая бесконечные обещания.

Обсуждать журналистам, по правде говоря, особо было нечего – просто неделя предстояла напряженная. Сотрудники отчитались, кто, чем занимается, доложили, чему предстоит посвятить ближайшие дни, поэтому управились быстро. Ребята уже посматривали на часы, когда дверь после короткого стука приоткрылась и в щели показалась голова Германа Борцова.

– Твой гвардеец явился, – хихикнув, произнес шепотом, слегка толкнув Лену в бок, сидящий рядом Владимир Артемьев.

В редакции все уже знали о необычном задании, которое получила Мирская. А с глашатаем областного УВД, поражавшим окружающих чрезвычайно здоровым румянцем щек, и раньше были знакомы. Только мало кто знал, что Герман, по-видимому, страдал дерматитоподобным розацеа кожи лица, спровоцированным, как могла предположить Лена, скорее всего экзогенными или эндогенными факторами. Болезнью излечимой, но требующей к себе постоянного внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.